

This is the author's final version of the contribution published as:

Steila Daniela. Problema otvetstvennosti i chelovecheskoj lichnosti: M.K. Mamardashvili i A. A. Zinov'ev. ROSSPEN. 2014. pp: 435-455.

in

Problemy i diskussii v filosofii Rossii vtoroj poloviny XX v.: sovremennyj
vzglyad

When citing, please refer to the published version.

Link to this full text:

<http://hdl.handle.net/2318/151612>

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
второй половины XX века

Редакционный совет:

В. С. Стёпин (*председатель*)
А. А. Гусейнов
В. А. Лекторский
А. К. Сорокин
В. И. Толстых
П. Г. Щедровицкий

Главный редактор серии В. А. Лекторский

РОССПЭН
Москва
2014

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
второй половины XX века

Проблемы
и дискуссии
в философии
России второй
половины XX в.:
современный
взгляд

Под редакцией В. А. Лекторского

РОССПЭН
Москва
2014

в своих неевропейских Палестинах часто становятся в той или иной степени своего рода культуртрегерами европоцентризма.

Исходная точка проекта автономной философии — это отдельно взятая личность, декартовское *cogito*, которое в себе и из себя, из своего разума пытается черпать первопринципы (в этике у Канта этому соответствует самозаконодательствующий разум). Этому в социально-политической плоскости соответствуют идеальная картина гражданского общества, где управление собственной жизнью и общественной реальностью есть самоустроение, которое тоже должно черпать свой исток из разумной и автономной активности индивидов. Впрочем, в обществах западного типа сегодня уже отчетливо видна утопичность этих идеалов и интенций. Натиск на индивида общества изобилия и потребления, создавшего гигантскую, уже с крайним трудом регулируемую «вторую природу», слишком силен, чтобы индивид мог всерьез рассчитывать на свое автономное пространство, где он мог бы разумно законодательствовать.

Правда, этим интенциям мог бы придать второе дыхание новый, неклассический идеал рациональности. Однако попытка Мамардашвили еще в 1970-е гг. начать искать выход из только намечавшегося тогда тупика на путях поиска «неклассического идеала рациональности»^{*} в итоге ни к чему парадигмальному так и не привела: никакого нового типа рациональности как сколько-нибудь отчетливой программы так и не сформировалось.

В итоге мы видим как минимум две большие проблемы в этических взглядах Мамардашвили. Во-первых, в них присутствует довольно отчетливый привкус горделивого презрения в адрес своих же ближних, т. е. сограждан, пусть и на утонченном философском базисе. Во-вторых, его этический идеал самопротиворечив в том смысле, что, претендуя в области морали на автономность и беспредпосылочность, он сам отнюдь не беспредпосылочен. Требование в нем беспредпосылочности само обусловлено, имеет свои предпосылки, в т. ч. и социальные.

^{*} См.: Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004.

Д. Стейла

Проблема ответственности и человеческой личности:

М. К. Мамардашвили и А. А. Зиновьев*

В последнее время исследование советской философии или, как часто предпочитают говорить сегодня, философии в России в советское время, стало чрезвычайно интересным. В течение десятилетий на Западе принято было считать (за исключением редких специалистов), что в России в советский период философия пребывала в подавленном состоянии. Теперь же международному сообществу ученых приходится исследовать богатство и многомерность философии в Советском Союзе во второй половине XX в.^{**} Конечно, сторонним наблюдателям, тем более иностранным исследователям, не просто изучать пишущих совсем недавно авторов, которые являются не только интересной областью научных изысканий, но и живыми свидетелями личного опыта многих участников современной дискуссии. Особенно волнительно говорить о таких авторах, как М. К. Мамардашвили и А. А. Зиновьев.

^{*} Автор выражает свою благодарность О. Поповой за редактирование текста на русском языке.

^{**} См.: Малахов В. А. Опыт сопротивляющейся мысли // Мераб Мамардашвили: «Быть философом — это судьба...». М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 64.

вьев, чьи труды весьма часто публикуются в различных изданиях и чья «теория» тесно связана с их жизнью.

Этическая проблема ответственности, вероятно, не является ключевой темой советской философии, однако мне кажется, она представляет интересную точку зрения для рассмотрения этических вопросов, более или менее открыто обсуждаемых в Советском Союзе в идейной жизни того времени. В ноябре 2011 г. на международной конференции в Кузе по теме «Философия в советское время», профессор Хольгер Куссе из Дрезденского университета выступил с докладом, в котором он рассматривал понятия «ответственности», «долга» и «прямоты» в мышлении советского периода. В ожидающемся сборнике по итогам конференции можно будет отыскать точную с лингвистической точки зрения трактовку этого вопроса. Ограничиваясь здесь размышлениями общего характера, можно заметить, что само слово «ответственность» получило в «официальном» советском языке значение, отличное от того, что было принято в общеевропейской философской традиции, начиная с теологической дискуссии о свободе воли поздней античности, средневековой схоластики и религиозной реформы вплоть до современных дискуссий о свободе воли в аналитической философии сознания (*philosophy of mind*). В традиционном философском языке ответственность является существенным измерением человеческой личности, т. к. «личностью» можно называть только того, кто ответственен за свои поступки, кто свободно принимает на себя бремя выбора*, между тем как в философском языке советского времени это слово обозначало «философско-социологическое понятие», как читается в классическом «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г.: «...отражающее объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом, с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований». И далее: «У индивида ответственность формируется как результат тех *внешних* требований, которые к нему предъявляет общество, класс, данный коллектив. (...) В социалистическом обществе, где утверждается принцип "один за всех и все за одного", где свободное раз-

* См., например: Eshleman, Andrew. *Moral Responsibility* // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2009 Edition), Edward N. Zalta (ed.); URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2009/entries/moral-responsibility/>

витие каждого становится условием свободного развития всех, отношения ответственной зависимости приобретают характер действительно взаимных отношений. Цельность ответственной личности складывается на основе ее практического участия в коммунистическом строительстве, а ответственное поведение личности по отношению к обществу все в большей мере соответствует ее личным устремлениям». Четвертое издание «Философского словаря» (1981 г.) открыто заявляет: «В коммунистической морали Ответственность личности включает вопросы не только совершенных деяний, но и осознания индивидом интересов общества в целом, то есть в конечном счете понимания законов поступательного развития истории»**. Значение слова «ответственность» склоняется в отношениях к коллективу: человек является «ответственным» перед коллективом, а не перед самим собой.

Этот сдвиг в значении понятия «ответственность» может привести к постепенному упрощению термина, вплоть до фактического отрицания его. В словах М. Кирквуда: «"Коллективная" ответственность поощряет личную безответственность»***. Если ответственность является личным делом, то личность чувствует долг при отсутствии судей и одобрений. Если же ответственность касается в конечном итоге коллектива, то важнее будет показаться ответственным, чем быть на самом деле таким, и переложить ответственность на других вместо того, чтобы взять ее на себя****. Термин «ответственный»

* Статья «Ответственность» // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. В то время как в статье «Ответственность» в недавно вышедшем словаре «Философия: Энциклопедический словарь» / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004, можно встретить определение в духе общей европейской философской традиции: «Ответственность — отношение зависимости человека от чего-то, что воспринимается им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий».

** Статья «Ответственность» // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981.

*** Кирквуд М. Значение идеологии в произведениях А. А. Зиновьева // Гусейнов А. А. (ред.) Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2008. С. 284.

**** Согласно Зиновьеву, один из принципов, регулирующих отношения кооперации, — это: «индивид стремится уклониться от ответственности и пе-

утрачивает свое значение как морального свойства, выражая, скорее всего, общественное признание некой иерархической значимости. В таком духе можно говорить об «ответственном работнике» партии, «ответственных органах», «ответственных постах». Но, как пишет Зиновьев в романе «Зияющие высоты»: «Выражение "ответственный пост" есть нелепость, ибо все посты безответственны»*. Также Мамардашвили часто замечал, что для *homo sovieticus* было характерно систематически отвергать любую ответственность**. В сознании «гомососа», по мнению Мераба Константиновича, можно было выделить два элемента: «Во-первых, никогда *по отдельности* (т. е. на собственный страх и риск — и ответственность), но всегда только *вместе*. И второе: никогда не сегодня, а всегда только *завтра*»***.

Оба наших философа, наоборот, придавали большое значение возможности человека быть хозяином своего выбора и своих поступков, так что независимо от условий, в которых я нахожусь, мое личное достоинство, моя честность, зависит исключительно и целиком от меня самого.

Эту тему, конечно же, обсуждал Мамардашвили, хотя, наверное, эта тема не столь оригинальна с теоретической точки зрения (каковой является у него, например, тема сознания). Многие из тех, кто писал о Мамардашвили в последние десятилетия, подчеркивали, что темы «свободы, ответственности, чести и честности» играли особую роль в его философских построениях****. А именно эта тематика оказывала значительное

реложить ее на других» (Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М.: АСТ, Астрель, 2010. С. 149).

* Там же. С. 42.

** См.: Mamardachvili M. La pensée empêchée. Entretiens avec Annie Erelboin. La Tour d'Aigues: Éditions de l'Aube, 1991. P. 62.

*** Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. 2-е изд., измен. и доп. / под ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс-Культура, 1992. С. 137.

**** См.: Рыклин М. Сознание как пространство свободы. Метафизическая тема у Мераба Мамардашвили // Мераб Константинович Мамардашвили / под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 153; Мотрошилова Н. В. Мераб Мамардашвили. Философские размышления и личностный опыт. М.: Канон+, 2007. С. 6; Гусейнов А. А. Слово о Мамардашвили / Мераб Мамардашвили: «Быть философом — это судьба...» С. 15.

воздействие на советскую и русскую публику. Слушательница первого курса его лекций в Тбилиси написала: «Он говорил именно о том, что меня мучило. О человеческой личности, ее ответственности и свободе»*.

Зиновьевские размышления на эту тему с первого взгляда выделить гораздо труднее: в его работах чаще всего слово «ответственный» сопутствует понятию «власти», в таких выражениях, как «ответственные товарищи из органов»; «ответственные работники аппарата»**. Тем не менее помимо этого основного значения слова, сама структура личной ответственности в качестве принятия на себя обязательства за свои поступки, а также притязания на свою автономию, находит свое образцовое выражение как раз в «учении о житии» Зиновьева.

Кроме того, в обоих случаях, и Зиновьев, и Мамардашвили, хотя и по-разному, но затрагивали вопрос ответственности не только в своих философских размышлениях, но и в своей жизни. Одним словом, к этим двум философам относится то, что писал Мамардашвили о философам вообще. Нас интересует конкретная живая мысль философов, их «бытийно-личностные эксперименты», а не просто их абстрактные формулы. Нас интересует бытийный облик философа, «где на собственной плоти и крови, на риске собственной жизни, на собственном теле осуществлялся некий бытийно-личностный эксперимент, который нам остается как изобретенная форма жизни»***. Зиновьев же часто подчеркивал, что его «учение о житии» действует для каждого отдельного, начиная со своего личного опыта, с «эксперимента» — он употреблял именно это слово, который он сам проводил над своей жизнью. В предисловии к повести «Иди на Голгофу» автор объясняет, что, приняв однажды неизбежную реальность неидеальных условий жизни, «я решил, что важно не столько то, каким является данное мне общество, сколько то, каким должен стать я сам в условиях этого общества, со-

* Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили // под ред. В. А. Кругликова. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 235.

** Зиновьев А. А. Гомо советикус // Гомо советикус. Пара беллум. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 15, 125.

*** Мамардашвили М. К. Философия и личность (URL: www.mamardashvili.ru/Lektsii/filosofiya-i-lichnost.html).

гласно моим представлениям об идеальном человеке»*. Про себя Зиновьев часто заявлял, что с 1939 г., с первого его антисталинского жеста, из-за которого его «исключили из института, обследовали в психиатрическом диспансере и отправили на Лубянку», он понял: «Такого идеального общества, о котором я мечтал, нет и не будет никогда». И принял решение: «Я принимаю советское общество таким, как оно есть, и ставлю задачу: делать идеальное общество из одного себя. Я решил стать таким сам, чтобы соответствовать своему идеалу. И я начал свой эксперимент. И вся моя жизнь была таким экспериментом»**. Эксперимент, как А. А. Гусейнов резюмировал в разных случаях, состоит в том, «как быть личностью, несмотря ни на что. Как быть ею среди мерзости бытия»***. И это обязательно индивидуальный эксперимент: «Нравственные программы должны стать единственными, как единственная каждая человеческая личность»****.

Совсем не хочу отстаивать мнимое сходство между позициями двух философов (противопоставляя цитаты одного и другого можно было бы, наверное, показать что угодно). Более скромно и, надеюсь, более основательно мне хотелось бы просто коротко обрисовать позиции Мамардашвили и Зиновьева, чтобы показать, что для обоих, пусть и по-разному, в советском контексте (и не только) спасение личности возможно, только если человек сознательно принимает свою созидательную роль в мире, если он становится законодателем своего суверенного государства.

Здесь я не настаиваю на переплетении их биографий, на том, что Зиновьев считался в какой-то мере «учителем» Мамар-

* Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. Исповедь верующего безбожника. Предисловие (15 августа 1990 года) (URL: http://royallib.ru/read/zinovev_aleksandr/idi_na_golgofu.html#0).

** Зиновьев А. А. Я мечтаю о новом человеке. М.: Алгоритм, 2007. С. 25.

*** Гусейнов А. А. Учение о житии Александра Зиновьева // Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. СПб.: Нева, 2004. С. 24. См. также: Миронов В. В. Жизнь как поступок // Александр Александрович Зиновьев. С. 20; Фурсов А. И. Александр Зиновьев: Русская судьба — эксперимент в русской истории // Там же. С. 317.

**** Мыслитель и человек (материалы «круглого стола» журнала «Вопросы философии». 2007. № 4) // Там же. С. 69.

дашвили*, и последний оказался прототипом «Мыслителя» в романе «Зияющие высоты»**. Я основываюсь на том, что видно из их творчества, как они выражали свои мысли и рассказывали о себе самих. А именно оттуда можно выделить по крайней мере два момента в их жизни и деятельности, четко показывающих существенное различие между ними. Во-первых, хотя их разница в возрасте составляет лишь 8 лет (Зиновьев родился в 1922 г., Мамардашвили в 1930 г.), они принадлежали к разным поколениям. Их отделяет разный опыт войны: Зиновьев воевал в армии в течение целой войны, между тем как Мамардашвили учился в школе в Тбилиси. По поводу того времени Эрик Соловьев сказал, что в университете в 50-х гг. «на студенческой скамье сошлись “отцы” и “дети”, которые по физическому возрасту различались всего лишь как старшие и младшие братья. Братья-отцы — это были те, кто прошел опыт войны»***.

Во-вторых, именно в это время Мамардашвили, который рос в не совсем простой семье (отец — военный, мама — дворянского происхождения), оказался на окраине, и не только географически. В Тбилиси, в районной библиотеке, он смог читать французских классиков (Монтень, Ла Бюэсси, Монтескье, Руссо), случайно избежавших цензуры, и начал свое образование как «гражданин мира». По поводу школы он имел довольно мрачные воспоминания. Там его «не научили ничему», приходилось только заучивать наизусть какой-нибудь учебник марксистско-ленинской философии и «слово в слово пересказать [его] на экзамене»****.

* В произведении «Русская судьба» Зиновьев определяет Мамардашвили следующими словами: «мой близкий друг (...), когда-то считавшийся моим учеником и последователем. Потом наши пути разошлись» (Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999. С. 417).

** Там же. С. 418; Кантор К. М. Логическая социология Александра Зиновьева как социальная философия. В кн.: Александр Александрович Зиновьев. С. 230; Митрохин Л. Н. О феномене А. А. Зиновьева // Там же. С. 41–42.

*** «Просторное слово авторитетов». Беседа Т. А. Уманской с Э. Ю. Соловьевым (Вопросы философии. 2004. 4) // Как это было. Воспоминания и размышления / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 308.

**** Мамардашвили М. К. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн) // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 72–73.

Наоборот, Зиновьев, который родился в довольно бедной семье в московской провинции, формировался как личность в советской школе сталинской эпохи и всю жизнь высоко ценил это. Те идеалы, о которых говорилось в процессе обучения, пусть теперь это может и звучать риторически, у него сохранились на всю его жизнь. По Зиновьеву, образование, полученное им в советской школе 30-х гг., было отличным; там передавались знание и любовь к великой литературе, сохранялось «все лучшее, что было создано в дореволюционной русской педагогике»*. По поводу своего опыта и своей семьи Зиновьев писал: «Благодаря советской власти я получил прекрасное образование. Мы бросили нудную жизнь в деревне и перебрались в город. Я стал профессором. Мой брат стал полковником. Другой брат — директором банка. Это все не так-то просто...»** С гордостью Зиновьев заявлял: «Я считаю себя продуктом советской системы. Я — советский человек!»***, или: «Я родился после революции и вырос в Советской России. Нас воспитывали на лучших идеалах коммунизма и лучших идеалах революции. (...) Я вырос как идеальный коммунист». Или, как говорили, «настоящий коммунист». Не в смысле «член партии, делающий карьеру», а как мы понимали, что такое Коммунист с большой буквы»****. Именно поэтому он быстро понял, что действительность не совпадала с идеалами: «Еще мальчишкой, в 15—16 лет, (...) я пришел к выводу, что если все люди будут настоящими коммунистами, жизнь будет справедливой, чистой, честной. А в реальности, увы, ничего подобного не было. В реальности люди хапали, воровали, доносили друг на друга. То есть происходило нечто прямо противоположное. Вот в чем дело»*****. Во имя тех же идеалов Зиновьев мальчишкой стал антисталинистом, дальше резким аналитиком коммунистической реаль-

* Зиновьев А. А. Я мечтаю о новом человеке. С. 140.

** Там же. С. 49.

*** Там же. С. 142.

**** Там же. С. 20; 24.

***** Там же. С. 25.

ности, а в последнее время жестоким критиком перестройки, постсоветской России и западного мира*.

Будучи очень разными, оба, и Зиновьев и Мамардашвили, оказались более, чем выдающимися философами; они представляли сложные «феномены». Несомненно, Мамардашвили представлял собой интересный «феномен» в советской культуре 60-, 70-, 80-х гг. Несмотря на то что в 70-х гг. ему отказали в возможности чтения постоянных учебных курсов, и он стал переходить из одного нефилософского учреждения в другое**, у Мамардашвили была своя аудитория, и верная ему публика стала переходить вместе с ним из одного места в другое. Кинорежиссер Александр Сокуров свидетельствует о том, что лекции философа были событием не просто для института, где они проходили, но и для города***. Его мысль никогда не была легко воспринимаемой, а его высказывания часто казались неясными. Несмотря на все это, его лекции превращались в общественное событие, которое посещала «вся Москва»****, и это случалось в каждом городе, где он читал свои лекции, проводил свои семинары. Зиновьев тоже выступал с успехом, читая лекции «так, что они превращались в своего рода концерты»****, и получил огромный международный успех в качестве писателя (его роман «Зияющие высоты» переведен на тысячи разных языков). В России в годы «катастрофы», как он называл конец 80-х и начало 90-х гг., особенно благодаря его многочисленным интервью*****, Зиновьев стал «для многих тем единственно

* См.: Зиновьева О. М. Александр Зиновьев: творческий экстаз // Александр Александрович Зиновьев. С. 172; Кирквуд М. Значение идеологии в произведениях А. А. Зиновьева. Там же. С. 271—272.

** См.: Мотрошилова Н. В. Социокультурный контекст 50—80-х годов XX века и феномен Мамардашвили // Мераб Мамардашвили: «Быть философом — это судьба...» С. 28.

*** Сокуров А. Памяти Мераба Мамардашвили (URL: http://seance.ru/n/3/mamad_sokurov/).

**** Волкова П. Д. Мераб на «Высших курсах» // Мераб Мамардашвили: «Быть философом — это судьба...» С. 282.

***** Зиновьев А. А. Я мечтаю о новом человеке. С. 208.

***** О своих интервью Зиновьев сказал: «На Западе их было так много, что как-то на вопрос одного из журналистов о моей профессии я в шутку сказал: “Интервьюируемый”» // Там же.

ценимым автором, который убийственно твердо и чрезвычайно жестко и смело оценивал ситуацию в России»*. Вероятно, его неуклонная критическая строгость и репутация «принципиального вопрекиста», по словам А. А. Гусейнова**, не позволяли ему превращаться в настоящего вождя народа.

Оба, и Зиновьев и Мамардашвили, были весьма оригинальными мыслителями. Уже в университете товарищи, шутя, называли мировоззрение Мамардашвили «мерабозрение». А теория Зиновьева часто называлась «зиновьюгой»: настолько он своеобразный мыслитель, чтобы стать эпонимом***. Эта своеобразность проявлялась и в форме, и в языке, и в стиле обоих авторов. О стиле и языке Зиновьева писалось очень много****. Здесь достаточно будет подчеркнуть «разоблачения», которым Зиновьев систематически подвергает официальный «язык» в романах, повестях, социологических очерках, поэзии, интервью, всегда подчеркивая пробел между буквальным и фактическим значениями терминов. Например, в романе «Иди на Голгофу», по поводу партии и правительства, которые «учат людей жить для общества, на благо народа», ядовито добавляет: «Как народ может жить на благо народа?!»***** Или в «Записках ночного сторожа», где анализируется выражение «высшие соображения»: «“Высшие соображения” — это есть формула произвола высших органов и лиц по отношению к нижестоящим»*****.

* Барашев П. П. Сверкнул как метеор (Как Зиновьев преподавал философию в МФТИ) // Александр Александрович Зиновьев. С. 132.

** Мыслитель и человек / Там же. С. 68.

*** Геллер М. Тоска по зоне / Там же. С. 213; Гусейнов А. А. Учение о житии Александра Зиновьева / Там же. С. 338, 347.

**** Общий обзор этой темы см.: Kirkwood M. Alexander Zinoviev: an Introduction to his Work, Basingstoke, Macmillan, 1993, прежде всего гл. 2: Zinoviev's Style and Language.

***** Зиновьев А. А. Иди на Голгофу // Иди на Голгофу. Гомо советикус. Русская трагедия. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 18.

***** «Эта формула означает: 1. вверху все продумали и приняли абсолютное разумное решение поступать именно так; 2. это решение обсуждению не подлежит, и ваше дело — исполнять, а не думать; 3. за решение несут ответственность принявшие его, а вы понесете наказание, если не выполните» (Зиновьев А. А. Записки ночного сторожа. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 112).

С первого взгляда язык Мамардашвили, вызывающий ассоциации и пробуждающий эмоции, кажется противоположным строгости и сухости языка Зиновьева. Однако Мамардашвили также систематически подчеркивал свое отдаление от мертвого языка властей. Ю. А. Шрейдер вспоминал по этому поводу: «Он как-то сказал, что в философствовании очень важно освободиться от привычных языковых смыслов, чтобы породить философские смыслы»*. Мамардашвили считал, что в течение десятилетий в пространстве Советского Союза язык как творческий вклад форм и структур познания и опыта (как он понимал само понятие языка) систематически разрушался, на смену ему приходил мертвый, истощенный и сухой псевдоязык. «Мертвый» язык производит «мертвых» людей, нереальных призраков, «зомби», живущих в пространстве «зазеркального» мира**. Согласно Мамардашвили, чтобы действовала смертельная сила идеологии, не обязательно верить в нее. Для этого достаточно разрушения словесного пространства, пространства языка: «Люди теперь могут не верить ни в одно слово какой-то идеологии, но если они вынуждены быть только в пространстве, которое задано какими-то, скажем, вещественными символами, то у подножия этих символов нельзя мыслить не потому, что это запрещено, а потому, что разрушены основы языка»***.

Когда Мамардашвили предлагал своим слушателям на лекциях и выступлениях живой пример настоящего языка, независимого от официальной риторики, это было для него поступком не только теоретическим, но и этическим. Он хотел скорее

* Шрейдер Ю. А. Загадочная притягательность философии (субъективные заметки) // Как это было. С. 560.

** См.: Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, 2011. С. 13–15, 23–26, 110–111; Андроникашвили З. «Своя страна», «Европа» и «провинция» // Мераб Мамардашвили: «Быть философом — это судьба...» С. 186–187; Мотрошилова Н. В. Символика трех «К» (Картезий, Кант, Кафка) в философии Мераба Мамардашвили // Там же. С. 209–210; Она же. Цивилизация и феноменология как центральные темы философии М. К. Мамардашвили // Конгениальность мысли. С. 28–29.

*** Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии. СПб.: Азбука, 2012. С. 236–237. Кроме того, согласно Зиновьеву, «идеология не требует веры. Пока люди явно принимают ее, это достаточно». (Кирквуд М. Значение идеологии в произведениях А. А. Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев. С. 287.)

всего обеспечить действие языка в качестве «формы жизни», чтобы язык сам производил настоящие человеческие опыты, проблемы и дискуссии.

Таковы два выдающихся мыслителя, два интереснейших культурных феномена в трудном контексте советского опыта. Каковы же были их размышления относительно личной ответственности как существенного элемента человеческой личности?

У Мамардашвили, как я уже говорила, данная тема весьма очевидна. Эрик Соловьев даже называл мышление Мамардашвили последних лет «сотериологией», т. е. учением о спасении. Соловьев писал: «Традиционная экзистенциальная проблема — как человеку остаться самим собой, или обрести самого себя, достигает у Мераба наивысшего напряжения, превращается в вопрос, как не умереть уже здесь, при жизни»^{*}.

В философии Мамардашвили — это главная проблема. Мы являемся личностями (что совсем не естественно, потому что личность — это культурное, а не естественное явление), когда мы способны относиться к культурным формам, которые являются основой и горизонтом нашего существования в мире в качестве личностей^{**}. Но формы культуры, как человеческие установления, чтобы продолжать свое существование, требуют постоянного участия человека: они живы только при наличии человека, их воспроизводящего^{***}. Поэтому каждая личность, сознательно включая себя в культурную традицию, принимает на себя ответственность и за себя, и за нее. Мамардашвили уточняет, что здесь имеется в виду «ответственность в каком-то метафизическом смысле слова»^{****}.

Мыслить можно только в контексте культурной традиции, без нее человек «гол». «А голенький, — добавляет Мамардашвили, — он и нужен утопистам-экспериментаторам»^{*****}. По мнению Мераба Константиновича, советская власть держалась в течение десятилетий именно посредством разрушения

* Просторное слово авторитетов. С. 311.

** См.: Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. С. 193–194.

*** См.: Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, 2012. С. 21–22.

**** Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии. С. 52.

***** Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. С. 194.

культуры, а значит, разрушения личности. Как я уже говорила, это было заметным уже в языке. Его обеднение разорительно действовало во всей стране: «У людей, оказывающихся лицом к лицу с реальностью, это вызывает онемение чувств и восприятий. Формируются люди, которые могут смотреть на предмет и не видеть его, смотреть на человеческое страдание и не чувствовать его»^{*}.

Условия извращенного мира прекрасно описывал Кафка: они «вполне человекоподобные, но в действительности для человека потусторонние, лишь имитирующие то, что на деле мертво»^{**}. В подобной ситуации оказались люди в советское время, когда все было мертво, извращенно, фальшиво. В том «мире мертвых призраков» все было несуществующим и нереальным^{***}. Мертвое — это то, что «уже не может быть иным», а если человек вынужден жить всю жизнь в мертвом мире, обязательно происходит настоящая «антропологическая катастрофа», потому что человеку, полному «страсти сознания», «самое страшное наказание — вдруг почувствовать и осознать себя имитацией жизни, или марионеткой, которую кто-то другой дергает за нитки, ощутить себя зомби»^{****}. А вся советская культура основывалась именно на этом.

В последние годы своей жизни Мамардашвили с подозрением наблюдал и сильно критиковал националистическую экзальтацию, которая развивалась и в Грузии, и она показала ему новой победой «мертвого» языка над живым. Как замечает М. К. Рыклин, в нынешней России «место советской культуры стремительно занимают ...национализм и религиозный фундаментализм. В результате в очередной раз под угрозой оказывается просвещенческий проект, который так страстно отстаивал философ»^{*****}. А как выразился один из сподвижников первого президента Грузии З. Гам-

* Там же. С. 203.

** Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, 2011. С. 14.

*** См.: Mamardachvili M. La pensée empêchée. С. 50.

**** Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. С. 546.

***** Рыклин М. К. Сознание как пространство свободы // Мераб Константинович Мамардашвили. С. 158.

сахурдия: «Нам не нужно никакого просвещения, нам нужен патриотизм»*. В Тбилиси, куда Мамардашвили переехал, его не раз обвиняли в предательстве грузинского дела, а он так и продолжал плыть против течения. Националисты оказывали на него сильнейшее давление, а за две недели до смерти он все утверждал: «Я борюсь не против грузинского языка, а против того, что сейчас в этом языке говорится. Я не хочу веры, я хочу свободу совести»**.

В Советском Союзе переход к посттоталитарной эпохе приводит к тому, что «теперь свободно проявляются внутренние оковы и деформации»***, между тем как для появления и сохранения гражданского общества нужны ежедневная практика, упражнение и тренировка, ведь «мораль, этика, философия, культура есть физика, мускулы, умение»****. Чтобы стать настоящим гражданином, человеку необходимо взять на себя ответственность за свои поступки, сделать себя личностью.

Несмотря на то что Мамардашвили имел мысли о тяжелых последствиях господства советской идеологии, сказавшихся на способности граждан мыслить самостоятельно и критически, он все же считал, что это ни в коем случае не могло служить оправданием: именно момент личной ответственности необходим, чтобы стать настоящим человеком, личностью. Об этом Мамардашвили говорит с предельной ясностью: «Этот неуловимый момент человеческого бытия, то, что я назвал конечным пунктом ответственности, в который никто не может вмешаться (никакое образование, никакое воздействие, никакое формирование), и есть, с одной стороны, и максимально изгоняемый из общества XX века момент, а с другой стороны, и максимально нами ощущаемый как то, чего нас лишили, но что нам необходимо, без чего мы не можем жить»*****.

* Цит. по: Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. С. 552.

** Мамардашвили М. К. Мысль под запретом. С. 71.

*** Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. С. 252.

**** Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. С. 273.

***** Там же. С. 144.

Экзистенциализм правильно подчеркивал, что человек ответственен за все, что он есть и делает *здесь и сейчас*, не полагаясь на нацию, на общество, на класс и на образование*. По мнению Мамардашвили, каждому приходится действовать непосредственно *здесь и сейчас*, неся ответственность за любой свой поступок, не прячась за божественную волю или неизбежные закономерности истории. В 1988 г. он заявлял: «Мы должны сначала свой безответственный мир превратить в мир ответственности, где можно *называть* добро и зло, и где понятия “наказания” и “искупления”, “греха” и “покаяния”, “чести” и “бесчестия” имели бы смысл, существовали»**.

В работах Зиновьева тема моральной ответственности личности является гораздо менее явной, но не менее значимой. Как известно, основой любого научного бескорыстного анализа реальности для него является анализ того, что есть, точно так же, как зоолог исследует муравейник. Законы совместной жизни, которые Зиновьев иногда называет «социальными», а иногда «коммунальными»***, являются настолько же естественными и неизбежными, как и законы природы; они представляют собой основу совместной жизни, без каких-либо моральных оценок. Вот некоторые примеры из самого Зиновьева: «Меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя»****. Оценивать все эти правила в соответствии с критериями моральности или аморальности было бы ошибочно. Они не моральны и не аморальны потому, что они принадлежат к «естественной» области совместной жизни. Человек вынужден их принимать данными в своем существовании в обществе «в качестве естественной социальной среды»*****.

* Там же. С. 236–238.

** Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. С. 196.

*** См.: Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 53–57; Коммунизм как реальность (URL: <http://www.zinoviev.org/files/zinoviev-kommunism.pdf>).

**** Там же.

***** Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 28.

Цивилизация, по Зиновьеву, создается именно для того, чтобы обойти эти основные законы. Люди развивают «институты, противостоящие этим законам и ограничивающие их»*. «В конце концов, вся история цивилизации была историей ограничения стихии коммунальности»**. И к тому же: «Прогресс человечества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие этих законов, — морали, права, религии, прессы, гласности, общественного мнения, идей гуманизма и т. д.»***

Зиновьев считает, что человек является не только «естественным» явлением природы, не просто животным среди других животных; он становится по-настоящему человеком, превращая мир данных вещей и отношений в свой особый «человеческий» мир****. Человеческая свобода, этика, ответственность являются совершенно не «естественными» ни в природе, ни в обществе. Они возникают, по словам Гусейнова, «во-первых, как индивидуально-личностный способ существования и, во-вторых, за пределами социальности, как уклонение от ее законов»****. В последнем колоссальном произведении Зиновьева, опубликованном после его смерти, «Фактор понимания», переход человека от природы к культуре и его специфическое существование только на этом втором уровне является очень важным понятием начиная с выработки знакового аппарата, который не является «биологически прирожденным человеку» и «не передается по биологическому наследству», хотя укоренившимся в биологической структуре человека, в его мозге и чувственном аппарате. Момент, представляющий переход к настоящему человеческому уровню в эволюции, Зиновьев резюмирует в термине «сознание»: «Люди выделились из животного мира и образовали качественно новый уровень

* Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность (URL: <http://www.zinoviev.org/files/zinoviev-kommunism.pdf>).

** Зиновьев А. А. Я мечтаю о новом человеке. С. 18.

*** Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность (URL: <http://www.zinoviev.org/files/zinoviev-kommunism.pdf>).

**** См.: Скворцов А. А. Социология Александра Зиновьева: между логикой и этикой // Александр Александрович Зиновьев. С. 268; Гусейнов А. А. Учение о житии Александра Зиновьева. С. 10.

***** Гусейнов А. А. Александр Зиновьев. Энциклопедическая справка // Там же. С. 17.

в эволюции живой материи благодаря сознанию и сознательному поведению»*. По словам Гусейнова: «Человек не просто живет, совершая те или иные действия, он еще способен давать себе отчет о том, как и почему он совершает их. Он способен понимать. Понимание есть тот фактор, через который человек может оказывать влияние на свою жизнь, придать ей достоинство ответственного существования»**.

Так же как человечество научилось игнорировать закон тяготения при строительстве самолетов, не отменяя при этом закона тяготения, а действуя в его пределах, человек «создает идеальное общество в самом себе, чтобы вырваться из-под гнета общества, и он может это делать, оставаясь в обществе и через его посредство»***. Мне представляется весьма важным, что для Зиновьева это не является устойчивым приобретением человеческого рода. Преодоление законов коммунальности может происходить всегда только в отдельном человеке, *здесь и сейчас*.

Отсюда следуют два важных вывода. С одной стороны, это значит, что поставить себе высшие идеалы вовсе не означает возможности их осуществления в массовых масштабах. Точным примером этого оказывается советское общество. Зиновьев пишет: «Советская идеология стремилась воспитать идеального, высоконравственного человека в массовых масштабах. (...) Этот эксперимент не удался. Природные качества людей и те качества, которые вырабатывались у них в опыте практической жизни и под влиянием всякого рода негативных воздействий, оказались сильнее прививаемых искусственно»****. Строгий анализ «гомососа» показывает, что система, рассматривающая личности «лишь как частичную функцию коллектива»****, совсем не осуществляет своих заявленных высоких идеалов; наоборот, «неумолимо, неизбежно система перемальвает человека»*****.

* Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 187.

** Мыслитель и человек // Александр Александрович Зиновьев. С. 66.

*** Гусейнов А. А. Учение о житии Александра Зиновьева // Там же. С. 355–356.

**** Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Эксмо, 2003. С. 174.

***** Зиновьев А. А. Гомо советикус. С. 198.

***** Геллер М. Тоска по зоне. С. 213.

С другой стороны, тот факт, что преодоление законов коммунальности может случиться всегда только в отдельном человеке, означает, что система может давить на человека сколько угодно, однако личность имеет возможность действовать, согласно со своими идеалами, быть самостоятельной, стать законодателем своего суверенного государства. Всегда, в любых условиях, можно жить достойно. В романе «Зияющие высоты» Посетитель говорит: «Человек ...становится тем, что он есть в нравственном отношении, по собственной воле и по собственному желанию. ...Нельзя стать злодеем по принуждению или по неведению. Нельзя стать порядочным человеком за плату. Если человек — негодяй, он хотел стать таким и приложил к тому усилия. Человек сам несет полную ответственность за свою нравственность. Тот, кто снимает с человека эту ответственность, безнравственен»*.

Очевидно, что через своего персонажа Зиновьев приписывает каждому человеку полную ответственность за то, кто он есть, и за то, кем он выбирает себя. В повести «Искушение» он пишет: «Нам уже в школе все ясно. Повзросление есть лишь выбор пути. А выбираем мы вполне сознательно. С людей нельзя снимать ответственность за их дела, сваливая вину на среду, воспитание, обстоятельства. Воспитание это не только принуждение, но и добровольный выбор. Большинство выбирает путь приспособления к обстоятельствам. Лишь исключительные одиночки заболевают жаждой понимания сути дела и чувством несправедливости происходящего. Они тоже выбирают этот путь добровольно»**.

Каждому представляется выбор между жизнью, приспособляясь к среде, получая за это какие-либо практические выгоды, какие-либо признания, и жизнью, согласно законам своего собственного суверенного государства в соответствии со своими принципами. Зиновьев считает, что за свой выбор ответственен каждый.

Про себя он писал: «Я вообще-то всю жизнь следовал своей установке: не делать карьеру, ради материальных благ не поступаться своими принципами. Я выдержал этот путь. Но когда меня спрашивают, годится ли этот путь для других, отвечаю:

* Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 381.

** Зиновьев А. А. Искушение (URL: <http://www.zinoviev.org/files/>).

нет, для многих он не годится»*. «Учение о житии» Зиновьева не для всех. Выбирать себе жизнь может только личность. Не только в простом смысле, что каждый человек выбирает сам нечто для себя, но еще глубже, потому что именно в этом выборе личность создает себя как таковая. Еще раз по этому поводу позволю себе сослаться на слова Гусейнова: «Учение о житии есть учение о том, как быть личностью. Как быть личностью не тогда, когда ты занимаешь привилегированное положение в обществе, имеешь слуг, живешь в собственном доме, тебя охраняет полиция и т. д. А тогда, когда у тебя ничего этого нет»**. Проблема «как мне жить» является проблемой прежде всего психологической и этической, а не политической: «Это личностная проблема. Мир для человека — это прежде всего он сам. Тут, в голове, ваш мир. Как вы оцениваете свое поведение — вот что важно. Когда я говорю, что я государство, я и в каждом человеке вижу государство. Каждый человек есть универсум, целый космос. ...Перед своим миром нести ответственность! Это — главное»***.

Человек является суверенным государством, являясь автономным законодателем самого себя, следовательно, он ответственен за то, что он есть и делает. Неудивительно, что этика Зиновьева сравнивается с кантовской****. В отличие от Мамардашвили, Зиновьев не обсуждает Канта, и вообще, очень редко излагает свое отношение к традициям философии. В одном из его последних интервью встречается признание, что его идеал человека, «человека цивилизованного, человека идеалистического, человека утопического, человека наивного, человека непрактичного, человека неэгоистичного, человека нерасчетливого», это тот же самый, о котором «мечтали и писали Руссо и Локк, Гоббс и Декарт»****. Имя Канта не появляется, но очень трудно не думать о Канте, учитывая, что Зиновьев на-

* Александр Зиновьев о русской катастрофе. Из бесед с Виктором Кожемяко. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. С. 79.

** Гусейнов А. А. Учение о житии Александра Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев. С. 358.

*** Александр Зиновьев о русской катастрофе. С. 78–79.

**** Скворцов А. А. Социология Александра Зиновьева: между логикой и этикой // Александр Александрович Зиновьев. С. 269–270.

***** Зиновьев А. А. Я мечтаю о новом человеке. С. 229–230.

стаивает на абсолютности этики и автономной «суверенности» «я» как законодателя себя самого. В романе «Зияющие высоты» он пишет: «Оценка поступков как добрых и злых, абсолютна. ...Те, кто настаивает на относительности добра и зла, т. е. на зависимости моральных оценок от конкретных ситуаций, те априори исключают нравственность»*.

Ответственность для Зиновьева является, по сути, ответственностью перед самим собой, но также и перед тем, что есть человеческого в нас (и иногда Зиновьев называет это божественным, в том же смысле, в каком Иван Лаптев, герой романа «Иди на Голгофу», считает себя богом). Поэтому мне кажется, что некоторые довольно эмфатические выражения Зиновьева по поводу ответственности, которую можно и нужно принимать «за судьбу страны и народа» (а также его критика «безответственной болтовни» перестройщиков, например) принимают более глубокое и совсем не риторическое значение. В конце концов высший суд — это всегда суд совести. В повести «Искушение» приводится следующий разговор:

«...Мы несем ответственность перед будущими поколениями.

— Потомки никогда не ценят жертвы предков.

— Это их дело, как они посмотрят на нас. У нас же есть долг перед своей совестью»**.

Проблемой многих персонажей Зиновьева и его самого, согласно воспоминаниям Ольги Мироновны Зиновьевой, было «как жить ...если ты хочешь сохраниться в качестве нравственной личности»***. Это было проблемой и для Мамардашвили. Зиновьев выбрал крайнюю последовательность своих идей ценой изгнания и долгой эмиграции, Мамардашвили претендовал не на роль «мученика», а на роль критика. В разговоре с Мерчлендом он признавал: «Кто-то из нас оказался в лагере, ...кто-то учительствовал в провинции, кто-то оказался в ссылке, а кто-то пошел моим путем — ушел в тень, стараясь избе-

* Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 381—382.

** Зиновьев А. А. Испытание (URL: <http://www.zinoviev.org/files/>).

*** Зиновьева О. М. Александр Зиновьев: творческий экстаз // Александр Александрович Зиновьев. С. 206.

жать неприятностей»*. Он действовал как философ-«шпион», а не как вождь на баррикадах**. Однако несмотря на то, что они были очень разными людьми, и, следовательно, разными философами, они оба честно выбирали свой путь: несмотря ни на что действовать самостоятельно, достойно, свободно в несвободных условиях. Они размышляли о советской России, но проблема того, как «сохраниться в качестве нравственной личности», была важной не только в тот период, и не только в советской России. Вопрос о роли интеллигента и его отношении к власти, причем не важно какой, остается на повестке дня и сегодня.

* Мерчленд Б. В кругу идей Мамардашвили. В кн.: Конгениальность мысли. С. 194.

** См.: Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. С. 210—211.